

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ на ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ИНДОНЕЗИИ в ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖОКО ВИДОДО

Религиозный фактор исторически играет большую роль в индонезийской внешней и внутренней политике. Его важность отражена в правовой и идеологической структуре индонезийской государственности. Одним из пяти принципов «Панча Сила» – национальной идеологии страны, является вера в единого бога. Для страны свойственна мультиконфессиональность, при этом Индонезия позиционирует себя как самая большая по численности мусульманского населения страна в мире. В Индонезии действует множество различных мусульманских общин, которые многочисленны и влиятельны. Изначальная открытость Панча Сила, которая по мудрому решению первого президента независимой Индонезии Сукарно должна была примирить мультиэтнический и мультиконфессиональный народ страны, дала большое пространство для маневра исламским движениям и партиям, что вызвало скрытые противоречия, периодически проявляющиеся в повседневной политической жизни¹. В стране существует Министерство по делам религии², что еще раз подтверждает значимость религиозной стороны жизни на государственном уровне.

Для некоторых этносов Индонезии, таких как, например, яванцы или местные этнические китайцы ассоциирование себя с той или иной религией — неотъемлемая часть самоидентификации, определяющая рамки поведения и мировоззрения. В политической культуре понятие «индонезиец» напрямую связывается с понятием мусульманин. А конкретные этнонимы такие как «балиец» или «китаец» вызывают в сознании индонезийской общественности прямое сопоставление с индуизмом, конфуцианством или христианством³. В ходе гонений на коммунистов при президенте Сухарто в 60-ые годы XX века религиозная принадлежность часто была вопросом жизни и смерти.

По сей день обычные граждане и крупные политики в социальных сетях, таких как Instagram и Twitter, публикуют фотографии или заявления, подтверждающие их религиозность, которая демон-

стрируется в период важных праздников для различных конфессий. Что примечательно, даже довольно свободные в своем поведении победительницы конкурсов красоты строго соблюдают данное правило. Проявление религиозности и публичное соблюдение обычаев является не только важной ритуальной стороной, но и социально-одобряемым поведением, что позволяет религиозной повестке в политике приобрести твердую, непоколебимую опору в обществе⁴.

Роль религии в социальной матрице индонезийцев

Как уже было упомянуто ранее, религиозность в рамках индонезийского общества является социально-одобряемым поведением. Так как автор стоит на позициях конструктивизма, по его мнению, прежде чем приступить к обзору конкретной политики действующего президента Индонезии Джоко Видодо, следует в первую очередь определить, почему данный социальный алгоритм религиозного поведения закрепился в индонезийской психологии и массовом сознании. Для этого предполагается обозначить условную культурно-социальную матрицу и установить роль и место религии в индонезийском обществе.

Типолог культур Р. Льюис обозначает индонезийцев как «восточных мусульман», называя их самыми вежливыми и учтивыми в Азии, при этом, как и многие азиатские культуры, они относятся по его типологии к реактивным (слушающим) культурам. Культура, где важно внимание к церемониальным нормам, традициям поведения, и реакции людей на поведение друг друга, отсюда Льюис и употребляет слово «реактивный». Значимость категории «уважения» как к традициям, так и к общественному положению человека у индонезийцев гораздо выше, чем в других культурах Азии, однако в отношении поведения других народов они готовы быть лояльными⁵.

Такое необычное поведение во многом определяется яванским синкретизмом, т.е. способностью индонезийского, изначально яванского общества, к освоению и адаптации в свою культуру обычаев, знаний и норм поведения других культур, что подтверждается историей, философией и литературой данного этноса⁶. Автор склонен считать именно яванский этнос определяющим для формирования социальной и политической матрицы Индонезии. Так яванцы всегда были носителями индонезийской государственности и религиозно-философской традиции, а яванские элиты управляли и управляют государством по сей день.

Основные категории, созданные на базе яванской культуры, такие как коллективизм, синкретизм и стремление к поддержанию гармонии, являются ключевыми для понимания политической культуры современной Индонезии, ее идеологической основы и других важных моментов жизни индонезийского общества.

Именно эти категории в основе нации и создали основу для «равновесного» восприятия религии в рамках Панча Сила. Что, например, значительно отличает Индонезию от соседней Малайзии, для которой политика ислама представляется важнейшим направлением внутри и вовне. Серьезное влияние на ее развитие оказали взгляды учителей Сукарно, проповедников, политиков из движения «Сарекат ислам» (Союз ислама), таких как Чокроаминото и Агус Салим. Создание Панча Сила при президенте Сукарно и ее окончательное оформление при президенте Сухарто как национальной идеологии закрепили важность и поощряемость в обществе именно яванской, синкретической, терпимой религиозности, которая контролируется в первую очередь государством при диалоге с наиболее влиятельными общинами верующих. При этом Панча Сила, находящаяся в основе государства с момента его создания не всегда, в понимании ряда слоев общества, способна решить социальные проблемы, поэтому иногда альтернатива идеологии видится в религиозной справедливости.

Консервативное начало и его оппозиция существующим порядкам

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что в индонезийском обществе еще со времен установления ислама на Суматре (был принят рядом местных правителей от индийских и аравийских купцов), а затем и на Яве в XIII-XV веках, существует конфликт между яванским «адатным» пониманием ислама и более консервативным, приближенным к аравийской традиции, с упором на главенство шариата и искоренение доисламских религиозных норм, встроившихся в обрядово-ритуальную структуру жизни мусульман в Индонезии. Более того, независимо от степени консервативности, в жизни индонезийцев присутствует множество доисламских обычаев, которые особенно проявляются в сельской местности. Музыка гамелан и индонезийские танцы, участие моделей-мусульманок в национальных конкурсах красоты – все это говорит о гибкости индонезийского ислама. Однако, ряд противоречий между синкрети-

ческими и фундаменталистскими течениями сохраняется и по сей день.

Так сторонники разных подходов к религии в одинаковой степени убеждены, что именно их позиция принесет Индонезии процветание в глазах высших сил.

Еще в начале XX в. в Индонезии сформировались две крупнейшие мусульманские (суннитские) организации, которые в последствии стали одними из крупнейших в мире – Мухаммадия, основанная в 1912 г., и вышедшая из нее позднее в 1926 г. Нахдатул Улама (NU). Первая появилась как социо-религиозное движение в городе Джокьякарта, колыбели яванской цивилизации. Мухаммадия выделяла главенствующую роль Корана и хадисов, а также призывала к «очищению» индонезийского ислама от адатных практик.

В период образования, Нахдатул Улама состояла из умеренных мусульман и располагалась также на Яве, но уже восточной, в городе Суракарта, где проповедовал Хашим Ашари (индон. *Hasjim Asjari*), руководитель мусульманской религиозной школы в этом регионе. Причиной раскола послужило то, что Мухаммадия выступала против доисламских верования и традиций яванской культуры, в то время как Нахдатул Улама и ее организаторы были сторонниками «учения улемов». Они признавали ислам в форме трактовок религиозных проповедников, авторитетов, то есть в той вариации, в которой он был привнесен на Яву много веков назад (проповедники в основном были суфиями и оказали значительное влияние на существование местных традиций и новой религии)⁷.

В современном индонезийском политическом дискурсе Нахдатул Улама и ее лидер Маруф Амин, кандидат в вице-президенты на выборах 2019 г. от команды действующего президента Джоко Видодо, приобрели значительный вес в обществе на волне громкого дела Ахока⁸ в 2017 г. и ряда других религиозных акций. В ходе предвыборной кампании, губернатор Джакарты Басуки Тчахая Пурнама по прозвищу Ахок позволил себе высказывания, которые многие мусульмане сочли богохульством. В частности, он обвинил своих оппонентов в том, что они ссылаются на определенную суру из Корана, в которой говорится, что исповедующие ислам не должны выбирать себе лидеров из числа немусульман.

Впоследствии политик извинился за свои слова. Однако его высказывание вызвало возмущение как со стороны радикальных,

так и со стороны умеренных мусульман. В Джакарте прошли акции протеста против губернатора, в которых принимали участие тысячи человек. В давлении на Ахока большую роль сыграла фундаменталистская организация «Фронт защитников Ислама», а организованные ею протестные акции стали прецедентом влияния радикалов на общество. До дела Ахока Фронт был замечен в организации нападений на символы «западной культуры» клубы, магазины, развлекательные места. Несмотря на негативное отношение правительства Индонезии и большей части общества, фронт претендует на полноценную политическую легализацию. Главный оппонент Джокови (уважительное прозвище Джоко Видодо из частей его имен) по президентской гонке военный, бизнесмен, оппозиционер и бывший зять Сухарто – Прабово Субианто всячески подчеркивает связи с «Фронтом защитников Ислама».

По мнению А.Ю. Другова, известного российского индонезиста, опасность возвышения консерваторов состоит в том, что они стремятся к пересмотру ряда положений конституции и «Панча Сила» в пользу мусульманского государства и главенства шариата над позитивным правом, а также используют массовые кампании для преследования политических конкурентов или установления выгодных для себя решений власти⁹. Популярность консерваторов в обществе часто приводит к тому, что их риторика используется уже совсем немусульманскими по ориентации партиями для игры на религиозных настроениях мусульман.

Все это обостряет значимость религиозной повестки во внешней политике, так как она становится обязанной отвечать настроениям в обществе, а страна становится, в таком случае, обязанной защищать в первую очередь исламский дискурс во внешней политике.

Палестина и Мьянма – главные вопросы религиозной солидарности

Рассматривая внешнюю политику Джоко Видодо и его министра иностранных Ретно Марсуди, можно сказать, что самыми резонансными вопросами в рамках религии и внешней политики стали: «классическая» проблема Палестины и Израиля, которая осложнилась переносом посольства США в Иерусалим и проблема беженцев-мусульман рохинджа в Мьянме. Последний вопрос крайне актуален еще и с точки зрения демонстрации Индонезией своего престижа в рамках региона и АСЕАН.

Палестинский вопрос давно является индикатором для мусульманского мира и одним из самых популярных на полях Организации Исламского Сотрудничества. Индонезия еще при президенте Юдойоно (2004-2014) активно содействовала улучшению своего имиджа как защитника мусульман через политическую поддержку и гуманитарные акции, что она и продолжила делать при президенте Джокови¹⁰. Одним из катализаторов участия Индонезии в палестинских делах стал перенос посольства США из Тель-Авива в Иерусалим. Такой шаг одного из влиятельных членов мирового сообщества по признанию именно израильского статуса за международной святыней привел к массовым выступлениям в Индонезии и реакции на всех уровнях.

Президент, официальные структуры и глава МИД Индонезии решительно осудили перенос дипмиссии и развернули активное лоббирование антиизраильской повестки на экстренном саммите Организации Исламского Сотрудничества (ОИС) в Стамбуле в конце 2017 г., где наряду с Турцией стремились занять позиции посредника при перспективном урегулировании. Политические партии начали борьбу за сторонников на волне лозунгов о единстве верующих, а муниципальные власти занялись «охотой на ведьм», разыскивая израильские товары на прилавках магазинов¹¹.

На бирманском направлении политика страны выглядит более внушительной и убедительной, так как предположительно она не так ограничена другими крупными акторами в данном случае. С 2015 г., с момента очередной эскалации конфликта, Индонезия активно вмешалась в его урегулирование. Территория Индонезии, наиболее близкая к бирманскому штату Аракан, приверженность Индонезии международному праву относительно прав беженцев и настроенность индонезийского общества на помощь «братьям по вере» сработали в пользу появления массового потока беженцев в страну. В 2016 г. на общее количество в 6 тыс. беженцев и 7 тыс. просителей убежища в Индонезии приходилось 795 беженцев и 244 просителя убежища из Мьянмы соответственно¹². В тот период президент Джоко Видодо не раз призывал Мьянму прекратить военную операцию против рохинджа¹³. В 2017 г. международная неправительственная организация Amnesty International высоко оценила роль Индонезии в урегулировании конфликта¹⁴.

В ноябре 2018 г., министр-координатор по вопросам политики, права и безопасности Индонезии - Виранто, выступая в Сингапуре на заседании Сообщества политической безопасности АСЕАН

(APSC), призвал десятку стран АСЕАН к более активному продвижению по разрешению конфликта буддистов и мусульман, а Мьянму к большей открытости. В этом вопросе его поддержал его и сам президент Джоко Видодо¹⁵. Высшие лидеры Индонезии часто поднимали вопрос о положении рохинджа и продолжают это делать на уровне ООН. Место непостоянного члена СБ ООН в 2019-2020 гг. вероятно предоставит Индонезии еще больше маневра в вопросе рохинджа. Кроме реакции официальных лиц, положение рохинджа получило поддержку народных масс, что по аналогии с иерусалимской ситуацией вылилось в массовые манифестации солидарности¹⁶, необычайную активность в социальных сетях по хештегам и комментариям и лозунгами индонезийских политических партий, таких как Голкар или Гериндра. Вышеупомянутый лидер оппозиционных сил Прабово еще со времен дела Ахока использует мусульманскую повестку¹⁷. Как и в случае с Палестиной свое мнение высказали и исламские традиционалисты в лице различных организаций¹⁸.

С точки зрения внутренней политики, вопросы исламской солидарности и решения мировых вопросов с позиции защиты прав мусульманской общины отвечают и росту консервативных настроений и популистской направленности политики ряда партий и деятелей. Религиозный фактор учитывается властями при реализации официальной дипломатии Джакарты, однако конкретные ее шаги по отстаиванию прав мусульман в международных организациях, посредничество, развертывание гуманитарных кампаний больше походят на рациональные и продуманные действия бюрократов, чем на священное дело защитников веры. Можно отметить, что политика на религиозном направлении обусловлена в первую очередь рамками ислама политического, а не стремлением следовать на практике религиозной догматике.

Конфликт с Саудовской Аравией и новая роль Индонезии

Еще со времен президентства Сусило Бамбанг Юдойоно обозначилось противостояние Саудовской Аравии как лидера исламского мира и Индонезии. Первый, всенародно-избранный президент Сусило Бамбанг Юдойоно (ранее президент избирался Народным консультативным конгрессом, парламентом) всячески пытался усилить роль религиозного фактора во внешней политике страны. Столкновение произошло по всему фронту религиозно-

политической сферы и не ослабевает по сей день. Эр-Рияд, претендуя на лидерство в Мировой Умме, позиционирует себя как родина и центр аравийского ислама, в котором первостепенная роль остается именно за арабским миром. Джакарта же выступает центром неарабских мусульман, которых значительно больше (в Индонезии действуют две крупнейшие в мире мусульманские организации).

Как мы уже упоминали, история ислама в Индонезии - это смешение мусульманских религиозных норм с местной «языческой» и индуистско-буддистской традицией, результатом которого стало появление синкретического по своей сути подхода к трактовке норм религии. Российский исследователь М.Н. Гусев называет эту версию ислама одной из самых умеренных и невыгодных для консерваторов и фундаменталистов¹⁹. Осложняется это и конфликтом за влияние на «европейских» мусульман и беженцев, а также проникновением и конкуренцией со стороны саудовских религиозных учреждений с целью распространения иной версии ислама.

29 октября 2018 г. в Саудовской Аравии казнили гражданку Индонезии Тути Турсилавати. Девушка, приехавшая на заработки в Саудовскую Аравию, стала жертвой насильника, отца хозяина дома, но смогла дать отпор. Эр-Риядский суд расценил самозащиту как убийство, признал вину в случившемся за девушкой и приговорил ее к казни. Казнь иностранной гражданки была проведена без какого-либо уведомления властей Индонезии. Это не первый случай вынесения смертных приговоров индонезийцам со стороны Эр-Рияда²⁰.

В условиях такой напряженности в двусторонних отношениях, усиление консерваторов в Индонезии может способствовать их сближению с фундаменталистами из Саудовской Аравии, однако еще более вероятным представляется усиление индонезийского национализма в данном аспекте. Политика Индонезии в Мировой Умме будет восприниматься как главный маркер престижа нации на международной арене. Необходимо также принять во внимание изначальную оппозицию Нахдатул Улама аравийскому ваххабизму.

Заключение

Подводя итог, необходимо еще раз отметить, что индонезийское общество является симбиозом этнической, национальной идентичности и религии, а также значимость религиозных вопросов для внутренней и внешней политической повестки. Другими словами, все вопросы, связанные с вероисповеданием, отличает высокий

уровень политизированности. Партии и движения используют средства пропаганды, организуют массовые манифестации, и такого рода социальная активность — один из способов их борьбы за электорат, что, как следствие, оказывает серьезное влияние внешнеполитическую повестку. Однако реальные шаги Индонезии во внешней политике, при ограниченности ресурсов и возможностей, дают основания предположить, что правительство страны свои усилия направляет в основном на посредничество, опираясь на стратегию в рамках теории «мягкой силы».

Индонезия действует осторожно, а религиозный фактор выступает скорее фоном и данью уважения социальным ожиданиям, но не главным мотивом участия страны в разрешении конфликтов. Возможно, в случае избрания Маруфа Амина вице-президентом, произойдет усиление роли религиозного фактора во внешней политике. Можно предположить, что его действие будет сдерживаться бюрократией, армией или бизнесом, которые придерживаются политики баланса Панча Сила и вряд ли поддержат изменения. Сам Маруф Амин предположительно выступит за существующий порядок и обеспечит Джокови поддержку части религиозно-политических сил.

---

¹ Picard, M. and R. Madinier, 2011. *The Politics of Religion in Indonesia: Syncretism, Orthodoxy, and Religious contention in Java and Bali*. New York: Routledge, pp: 56.

² Kementerian Agama RI. URL: <https://kemenag.go.id/> (accessed 01.01.2019)

³ Seo, M., 2013. *State Management of Religion in Indonesia*. New York: Routledge, pp: 57.

⁴ Bahtiar, E., 2003. *Islam and the State in Indonesia*. Singapore: Institute of South-East Asian Studies, pp: 128.

⁵ Р.Льюис. Столкновение культур. Путеводитель для всех, кто делает бизнес за границей/ Манн, Иванов и Фербер".2013. С. 50-55.

⁶ Bagoes Wiryomartono. 2016. *Javanese Culture and the Meanings of Locality: Studies on the Arts, Urbanism, Polity, and Society*. Lanham: Littlefield Publishing Group, pp: 22.

⁷ Bush, R. 2009. *Nahdlatul Ulama and the struggle for power within Islam and politics in Indonesia*. Institute of Southeast Asian Studies. pp. 120

⁸ Merdeka. Kasus penistaan agama oleh Ahok hingga dibui 2 tahun. Diakses dari: <https://www.merdeka.com/peristiwa/kasus-penistaan-agama-oleh-ahok-hingga-dibui-2-tahun.html> (pada tanggal: 04.01.2019)

⁹ Другов А.Ю. Индонезия–2017. Религия и общество. Малайско-индонезийские исследования. Вып. XX. С.10-21.

¹⁰ Хохлова Н.И. Участие Индонезии в организации исламского сотрудничества в контексте общей внешнеполитической линии страны: 1920-2012 гг. Право и управление. XXI век. 2013. N 2. С. 11-17.

¹¹ Куклин Н.С. Реакция республики Индонезия на признание Иерусалима столицей Израиля со стороны США. ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ВОСТОК – ЗАПАД. Материалы XVIII научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Под редакцией В.Б. Петрова, О.В. Филатовой, В.А. Цвыка. 2018. С 416-430.

¹² UNHCR. Indonesia Fact Sheet February 2016 Final. URL: <https://www.unhcr.org/protection/operations/50001bda9/indonesia-fact-sheet.html> (accessed: 02.01.2019)

¹³ BBC Indonesia. Presiden Jokowi didesak minta Myanmar hentikan operasi militer atas Rohingya. Diakses dari : <https://www.bbc.com/indonesia/indonesia-38204741> (pada tanggal: 03.01.2019).

¹⁴ The Jakarta Globe. Indonesia Has Power to Help Resolve Rohingya Crisis in Myanmar: Amnesty International URL: <https://jakartaglobe.id/news/indonesia-power-help-resolve-rohingya-crisis-myanmar-amnesty-international/> (accessed: 03.01.2019).

¹⁵ Anadolu Agency. Indonesia encourages greater ASEAN role on Rohingya. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/indonesia-encourages-greater-asean-role-on-rohingya/1310154> (accessed: 02.01.2019).

¹⁶ BBC Indonesia.'Rohingya adalah kita': Solidaritas agama atau kemanusiaan? Diakses dari : <https://www.bbc.com/indonesia/trensosial-41141169> (pada tanggal: 03.01.2019).

¹⁷ Tribun-bali. Prabowo Dianggap Manfaatkan Isu Rohingya oleh Golkar. Diakses dari: <http://bali.tribunnews.com/2017/09/18/prabowo-dianggap-manfaatkan-isu-rohingya-oleh-golkar> (pada tanggal: 03.01.2019).

¹⁸ Asia Times. Rohingya crisis a political hot potato in Indonesia. URL: <http://www.atimes.com/article/rohingya-political-hot-potato-indonesia/> (accessed: 01.01.2019).

¹⁹ Гусев М.Н. Ислам Индонезии. Внешнеполитический курс страны как фактор внутри конфессиональных противоречий // Журнал «Минарет» N. 3-4 (29-30). 2011.С. 15-18.

²⁰ BBC Indonesia: Eksekusi Tuti Tursilawati: Cerita pertemuan terakhir dengan ibunda dan keinginan berziarah ke makam. Diakses dari: <https://www.bbc.com/indonesia/indonesia-46020157> (pada tanggal: 02.01.2019).